

О ТОМ, КАК ГОСПОДИН МОКИНПОТТ ОТ СВОИХ ЗЛОСЧАСТИЙ ИЗБАВИЛСЯ

Представление в одиннадцати картинах

Перевод с немецкого ЛЬВА ГИНЗБУРГА

ЛИЦА:

Мокинпотт.
Вурст.
Жена.
Тюремщик } один и тот же актер.
Любовник }
Начальник тюрьмы } один и тот же
Хозяин } актер.
Адвокат }
Врач } один и тот же актер.
Господь бог }
Служащий } один и тот же актер.
Лакей }
Два Ангела.
Две медицинские Сестры.
Три правительственные
Персоны.

Баланда, правда,— не компот,
но все ж неплох горячий супчик...
Смотрите: дрыхнет!.. Ну и субчик!
(*Сердито.*)

Эй, хватит спать! Вставай! Подъем!
Спать надо ночью, а не днем.

Смущенный Мокинпотт вылезает из-под одеяла. На нем рубаха и просторные штаны. На одной ноге — зеленый носок, босая нога окована прикрепленной к полу цепью.

МОКИНПОТТ.

Какой сегодня день?

ТЮРЕМЩИК.

Среда.

МОКИНПОТТ.

О, дней тюремных череда!
Но твердо знаю: в эту среду
Я наконец от вас уеду.

ТЮРЕМЩИК.

Ну, снова начал вздор нести.

МОКИНПОТТ (*аккуратно складывает одеяло*).

За что сижу я взаперти?
И в чем я, собственно, виновен?
Я был всегда со всеми ровен.
Блюда достоинство и честь,
не лез во что не стоит лезть.
Во избежание скандалов
держался нужных идеалов.
Так объясните: почему
меня упрятали в тюрьму?
Где справедливость? Где законность?
Ей-богу, я, наверно, тронусь.
Как пережить такой позор?!

ТЮРЕМЩИК.

Заткнул бы лучше глотку, вор!
Пойми, безмозглая скотина:

Картина 1

В ТЮРЬМЕ

Нары. Дверь с огромным глазком. На нарах — Мокинпотт. Одеяло натянуто до подбородка. У него острый, красный нос. Борода лежит на одеяле. За дверью — треск. Мокинпотт вскакивает. В дверное отверстие заглядывает неестественно большой глаз. Мокинпотт снова ложится. Сразу же раздается щелканье ключа в замке. Входит Тюремщик и запирает за собой дверь. Тюремщик — рослый мужчина с окладистой бородой. В руках у него жестяная миска.

ТЮРЕМЩИК (*добродушно*).

А ну, давай вставай, дружище!
Сейчас начнем раздачу пищи.
Держи-ка миску, Мокинпотт!

(*Плюет ему в миску.*)

мы не сажаем беспричинно.
В тюрьму, по правде говоря,
еще никто не сел зазря.
Нашелся б только матерьялец —
всегда найдется постоялец.

Мокинпott делает несколько шагов,
забывая о цепи, но цепь крепко
держит его за ногу. Мокинпott па-
дает. Сидя на полу, ощупывает язык,
прикушенный при падении.

МОКИНПОТТ.

Сейчас среда... Вчера был вторник...
А я по-прежнему — затворник.
Нет, нет! Так дальше не пойдет!

ТЮРЕМЩИК (*ставит суп на тары, поворачи-
вается к двери*).

Поосторожней, Мокинпott!
За оскорбление острога
закон наказывает строго.
Сиди спокойно, коли сел.
Иль снова палки захотел?!

МОКИНПОТТ (*встает и отступает назад,
волоча за собой цепь*).

Но в чем вина моя, скажите?!
Я чтит законы общежития,
налоги вовремя платил...
читал газеты... кофе пил...
ни разу в рот не брал спиртного...
не сделал ничего дурного...
не отклонялся ни на шаг
от...

ТЮРЕМЩИК (*отворяя дверь*).

Может, это все и так,
но мы-то сведения имеем,
что был ты вором и злодеем
и, притворяясь дураком,
бродил по улицам тайком.
Мошенник ты — видать по роже.

Мокинпott бросается вперед, чтобы
задержать Тюремщика. Он снова за-
бывает про цепь, спотыкается, хва-
тает Тюремщика за рукав, чуть не
падает и поэтому еще крепче вце-
пляется в Тюремщика. Тот грубо от-
талкивает его.

МОКИНПОТТ.

Да нет же, нет же! Правый божел
Вам подтвердит моя жена
(Ах, что с ней, бедной? Где она?),
что стал я жертвою доноса.
Я не высывал и носа
на улицу по вечерам.
На что мне этот тарарам?
Куда милей в родимом доме
сидеть, подметки экономя!
Вам подтвердит любой сосед:
я по природе — домосед!..
О, дорогой и добрый стражник!
При мне имеется бумажник.
Я наградить вас буду рад:
мне крайне нужен адвокат.
За приглашение адвоката
я подарю вам два дуката.

ТЮРЕМЩИК.

Что? Два дуката?! Пять давай!

МОКИНПОТТ.

Побойтесь бога! Ай-ай-ай!
Три!

ТЮРЕМЩИК.

Ладно, черт с тобой. Четыре.

МОКИНПОТТ.

Я всех несчастней в этом мире.
Четыре! Господи! За что?..

ТЮРЕМЩИК (*из-за двери*).

Всё... Пять дукатов. А не то...

МОКИНПОТТ (*причитая*).

Ах, пять дукатов, пять дукатов,
те, что, на черный день припрятал,
я как сокровище хранил...

Тюремщик быстро возвращается.
Протягивает Мокинпottу какую-то
бумажку и карандаш. Мокинпott со
стоном подписывает.

ТЮРЕМЩИК (*шепотом*).

Поговоришь с ним с глазу на глаз.
(*Кричит в коридор.*)

Господин адвокат, прошу сюда!

Мгновенно появляется Адвокат.
Он одет изысканно, в мантии. Гово-
рит гнусавым голосом, прижимая
указательный палец к носу. Тюрем-
щик выходит, закрывая за собой
дверь.

АДВОКАТ.

Ага, ага... Да, да... Да, да...
Так, так... Понятно... Безусловно
вы абсолютно не виновны.
Ага, ага... Так... так... Прекрасно...
Вы арестованы напрасно...
Ага, ага... Еще один
сидит без видимых причин.
Власть передавши таким прокурорам,
мы сами себя покрываем позором.
Ну и порядочки в нашей стране!
Можете, впрочем, довериться мне.
За вас готов я в огонь и в воду,
лишь бы вам возвратить свободу.
Полсотни дукатов — и весь разговор:
вас оправдательный ждет приговор,
хотя пораскинуть придется умишком...

МОКИНПОТТ (*стонет*).

Полста дукатов? Это слишком!
(*Садится на край нар и закрывает лицо
руками.*)

АДВОКАТ (*поспешно*).

Прибавьте к этому сумму залога:
Сотня дукатов — не так уж много...
Спасать невинных — мой кровный
долг...

Да! Как вас звать, не возьму я в толк.
Господин Редингот?..

МОКИНПОТТ.

Мокинпott.

АДВОКАТ.

Мокинтош?

МОКИНПОТТ (*поднимает глаза, ломая
руки*).

Мокинпott я!

АДВОКАТ.

Ага... Понимаю... Что ж...
Господин Коверкот, перед нами случай,
признаться честно, весьма вонючий.
Гиблое дело, как говорят.

Вас безусловно приговорят,
если не к виселице, то к расстрелу.
Но я постараюсь уладить дело
и отвести от вас этот удар..
Итак, вы согласны внести гонорар?
Да или нет? Отвечайте быстро!
Я тороплюсь на обед к министру..

МОКИНПОТТ (*выпрямляясь*).

О, благороднейший из адвокатов!
Откуда взять мне столько дукатов,
когда у меня их всего-то сто:
часть — в кошельке, часть — зашита
в пальто.

Со всем моим имуществом вместе
у меня наберется дукатов двести.

АДВОКАТ (*смиловатившись*).

Бодритесь!.. Оставьте плаксивый тон..
Ну, вот что, господин Ремингтон,
если хотите платить — платите,
а не хотите, то как хотите.

Мокинпott всхлипывает без слез.
Адвокат протягивает ему бумагу и
карандаш.

Итак, условились?.. Превосходно!
Теперь считайте, что вы — свободны.

Мокинпott подписывает. Адвокат
водит его рукой. Во время подписа-
ния Мокинпott медленно сползает
с нар на пол. Адвокат резко стучит
в дверь. Дверь тотчас же отворяет-
ся, входит Тюремщик и подмигива-
ет Адвокату. Адвокат поспешно
уходит из камеры. Мокинпott вска-
кивает, хочет бежать за Адвокатом,
цепь удерживает его, он падает.

МОКИНПОТТ.

Господин адвокат, господин адвокат!
Вернитесь-ка на минутку назад!
Ведь мы пока что, по сути дела,
не говорили о сути дела.

АДВОКАТ (*из-за двери*).

А! Перестаньте! Это — пустяк!
Я ваше дело пойму и так
из полицейского протокола.

МОКИНПОТТ.

Как бы тут не вышло прокола!
Дело примет дурной оборот.

АДВОКАТ.

Спокойствие, господин Антрекот!
Положитесь на меня и на господа бога
и нынче же выйдете из острога.
Мы сделаем все, что в нашей власти.

Тюремщик захлопывает дверь сна-
ружи и запирает ее.

МОКИНПОТТ (*сидя на полу*).

За что на меня такие напасти?!
Честное слово, понять не могу.
Повсюду, буквально на каждом шагу
меня преследуют неудачи.
Здесь дьявол действует — не иначе.

Появляются два Ангела. У них
большие белые крылья из жести.
Они хлопают этими крыльями. Мо-
кинпott вскакивает, в ужасе смот-
рит на Ангелов.

АНГЕЛЫ.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Справедливо негодую,
этот добрый человек

тяжко страдает весь свой век.
Он свои злосчастья множит
тем, что их понять не может
и дрожит, как воробей,
не поняв своих скорбей.

Мокинпott падает на колени. Анге-
лы, хлопая крыльями, исчезают.
Грохот ключа в замке. Дверь отво-
рывается. Входят Тюремщик, Ад-
вокат и Начальник тюрь-
мы. У Тюремщика под мышкой —
узелок с платьем. У Начальника
тюрьмы — какая-то бумага.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ.

Мосье Мокинпott?! Это вы, уважаемый,
так называемый обвиняемый?!

МОКИНПОТТ (*встаю*).

Так точно, сударь. Но честно скажу,
я сам не знаю, за что сижу.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ.

Итак, вы сидите, за что — не знаете,
а целую камеру зря занимаете?!

МОКИНПОТТ.

Так точно, так точно, мосье палач!
Грудь мою раздирает плач.
С женой я не виделся две недели...

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ.

Он проходимец и в самом деле!
Попав незаслуженно под арест,
он здесь тем не менее пьет и ест!
Скажите, это ли не коварство —
бесплатно жрать за счет государства?!

Мокинпott слушает, раскрыв рот,
но не произносит ни слова.

Итак, любезнейший, вы должны
внести сто дукатов в пользу казны.

Мокинпott опускается на колени,
хочет что-то сказать, но не может
найти слов.

АДВОКАТ (*очень быстро*).

После того, как вышеупомянутый
господин Ундервуд
мне поручил обратиться в суд,
я, выполняя его поручение,
подал соответствующее прошение
и в результате сей апелляции
добился полнейшей реабилитации
означенного господина Мокинплатта,
который, по внесении соответствующей
платы,
приобретает право совершенно
свободно
убираться отсюда куда угодно.

Тюремщик с величайшей растороп-
ностью завязывает Мокинпottу во-
круг шеи фиолетовый бант и наде-
вает принесенную куртку, которая
слишком для него широка. Потом
отводит его к нартам и расковывает
ножную цепь. Он ставит рядом с
Мокинпottом два больших черных
башмака. Тюремщик вынимает из
кармана неправдоподобно большие
часы и начинает их заводить: ме-
ханизм скрипит, потом пружина с
грохотом лопаается. Тюремщик под-
носит часы к уху, трясет их, внутри
что-то бречит. Он кладет часы
Мокинпottу в карман брюк.
Начальник тюрьмы движением фо-
кусника вытягивает у него огром-
ный бумажник, ловко открывает его

и, растопырив пальцы, извлекает оттуда четыре денежных знака, потом размашистым жестом передает одну бумажку Тюремщику, а три остальные изящно кладет в собственный карман. Потом еще раз заглядывает в бумажник, переворачивает его и сует пустой бумажник Мокинпотту. Вот уже в руке у него карандаш и какой-то листок. Мокинпott подписывает, он водит его рукой, потом поворачивается и направляется к двери. Обескураженный Мокинпott смотрит ему вслед, потом идет к двери: он забывает про башмаки и волочит одну ногу, как будто она все еще прикована цепью. Начальник тюрьмы и Адвокат послешню выходят. Мокинпott хочет бежать за ними, но Тюремщик подставляет ему ножку, и он кубарем вылетает за дверь.

Картина 2

НА ПРИРОДЕ

Мокинпott поднимается, отряхивает платье. Стоит в одном зеленом носке, осторожно оглядывается по сторонам, потом осторожно размахивает правой рукой, как бы вертя в руках тросточку. Невидимая тросточка совершает несколько оборотов, потом Мокинпott опирается на нее. С секунду он стоит, опершись на невидимую трость, потом теряет равновесие и удивленно оглядывается.

МОКИНПОТТ.

Боже мой! Я остался без палки: в тюремной забыл ее раздевалке.

На пустую сцену вылетает тросточка. Мокинпott поднимает ее, взяв за рукоятку, крутит тем же движением, что и раньше, хочет опереться на нее, но конец у тросточки расщеплен, и она не выдерживает тяжести. Мокинпott спотыкается, падает, тут же немедленно встает и рассматривает свою тросточку.

В это время появляется Вурст. У него острый животик, на голове — бесформенная шляпа. Вид у него вполне жизнерадостный. Поначалу он даже не замечает Мокинпotta, быстро садится на скрещенные ноги, расстилает большой клетчатый платок и достает завтрак, состоящий из куска хлеба, колбасной горбушки и почти пустой бутылки вина.

(Переводя взгляд с Вурста на тросточку.)

Позвольте представиться: Мокинпott. Видите эту тросточку?.. Вот... Она мне от дяди досталась в наследство и...

ВУРСТ *(разрезая хлеб и колбасу огромным перочинным ножом на крохотные кубики).*

А? Что? От дяди досталось на следствии?!

МОКИНПОТТ.

Теперь ей, бедняжке, место на свалке...

ВУРСТ *(продолжая жевать).*

А? Что? Вы, бедняжка, были в свалке?

МОКИНПОТТ.

Я две недели сидел в тюрьме.

ВУРСТ.

Что? Две недели сидели в дерьме?

(С блаженным видом откупоривает бутылку и невиданно изысканным движением пальцев раскладывает кусочки колбасы на кусочки хлеба.)

МОКИНПОТТ *(глядя на свои ноги).*

Куда же мои башмаки девались?

Наверно, тоже в тюрьме остались...

Башмаки вылетают к нему на сцену. Он поднимает их, разглядывает, пытается стоя надеть сперва один, потом другой башмак, теряет равновесие, садится, поднимает правую ногу, чтобы надеть правый башмак, потом вдруг решает сперва надеть левый башмак на левую ногу. Он выставляет вперед левую ногу, но путает башмаки и надевает на левую ногу правый башмак, а на правую — левый.

Во время всей этой сцены Вурст продолжает жевать. Он с таким видом ест хлеб и колбасу, как будто находится на званом обеде, и так подносит к губам бутылку, как будто там драгоценное вино.

(Глядит на жующего Вурста и еще больше запутывается с башмаками.)

Мосье, вы мешаете мне обуться! Черт бы побрал эти подлые бусы! Вообще, очень трудно порой

разобраться,

с какой ноги начинать обуваться. Можно бы с левой начать сперва, но ведь и у правой — те же права. Можно бы с правой... Но почему же? Левая правой ничуть не хуже. Вот и сижу я, не понимая, кто из них — первая, кто — вторая...

ВУРСТ *(серьезно).*

А вы посчитайте... Но между тем мы здесь столкнулись с проблемой проблем.

Если на вещи взглянуть пошире — главный вопрос в современном мире в том состоит, с какой ноги мы начинаем свои шаги.

Многие нынче выходят в дорогу, хромая на ту или эту ногу.

А захромал — ты уже калека...

(Отпивает глоток из бутылки, рыгает.)

МОКИНПОТТ *(сперва растерянно, потом радостно).*

Ну, наконец я обрел человека, который мне все разъяснит толково! Как не хватало мне друга такого! Видите ли, я попал в переделку...

ВУРСТ.

А? Что? Вас отдали в переделку?

МОКИНПОТТ *(связывая вместе перепутанные шнурки башмаков).*

Недавно, примерно часу в шестом...

ВУРСТ.

А? Что? Ударили вас шестом?

...пошел я в киоск за вечерней газетой. Вдруг — видимо, сыщик переодетый — ни за что ни про что подходит ко мне и припирает меня к стене, тычет мне в бороду кулачком: «Ага! Вы тот самый, кого мы ищем!..» Ну, я объясняю, что я не тот, объясняю, что звать меня — Мокинпотт, объясняю, что проживаю здесь рядом, в том доме, с изразцовым фасадом, где жена меня ждет к вечернему кофе, не подозревая о катастрофе.

Однако сыщик вломился в амбицию и, разумеется, вызвал полицию: мол, где вы живете и как вас звать, на это нам, собственно, наплевать. Важно то, что вы здесь гуляете и, стало быть, кое-что замышляете. Мы все это выясним в ходе дознания, хотя мы все уже знаем заранее. А насчет вашего кофе и вашей супруги в тюрьме подумайте на досуге...

(Обращаясь к Вурсту.)

Так скажите, к чему это словоблудие насчет справедливости и правосудия, если нельзя! спокойно пройти по собственной улице после пяти?

(Встает, причем выясняется, что он связал вместе шнурки от разных башмаков. Он спотыкается и падает.)

Между тем Вурст завершил свою трапезу. Он вытирает концом платка рот, потом еще раз вытирает рот тыльной стороной ладони, аккуратно складывает платок и вместе с пустой бутылкой сует в карман. С акробатической легкостью вскакивает на ноги и несколько раз пружинисто поднимается и опускается на носках, потом устремляет взгляд на Мокинпотта, который все еще возится со шнурками, завязывая левый башмак на правой ноге, а правый — на левой.

ВУРСТ.

Теперь я вижу, что ты за птица: дома с женой тебе не сидится. Ты — никудышный, негодный муж, бездельник и шалопай к тому ж.

МОКИНПОТТ *(поднимаясь)*.

Ах, как меня вы разочаровали, не разобравшись в моей печали! Войдите, войдите в мое положение, услышав страданий моих изложение!

ВУРСТ.

На кой мне слушать весь этот бред? Не лезьте ко мне. Я закрыт на обед. Ну, я пошел... Разрешите откланяться. Зовут меня — Вурст. А пока —

до свиданьица!

(Уходит.)

МОКИНПОТТ.

А я-то думал, что наконец нашел я друга. Эх, я глупец! Впрочем, любого заменит друга мне дорогая моя супруга.

(Тоже пытается уйти, хотя ему мешают перепутанные башмаки.)

Постель. В стороне — шкаф. К шкафу прислонена половая щетка. В постели сидит Жена Мокинпотта в рубашке и расчесывает редкие волосы. Одеядо на ее ногах вздулось горой. Из-под одеяла торчат две большие грязные ступни. Они слишком далеко от тела женщины, чтобы можно было предположить, что это ее ноги. Когда Мокинпотт входит, Жена расправляет одеяло.

МОКИНПОТТ *(жалобно)*.

Ах, дорогая моя жена! Сколько ночей я провел без сна. Твой образ, кудряшки твои и щечки мне часто мерещились в одиночке. О, ты красавица из красавиц!..

ЖЕНА *(ядовито)*.

Нет, поглядите, каков мерзавец! Свою жену бросает в беде, а сам шатается черт-те где!..

МОКИНПОТТ.

Такие я перенес страдания, а ты — по-прежнему — ноль внимания.

Мокинпотт садится на край постели. Жена отодвигается от него. В изножье постели одна ступня потирает другую.

Уж коль нам свидеться довелось, спроси хотя бы: как мне жилось?

Жена не отвечает. Продолжает расчесывать волосы. Из-под одеяла доносится придушенное чихание, сопровождаемое подергиванием. Чтобы отвести подозрения, Жена тоже чихает, хлопает по одеялу и чихает еще раз. Мокинпотт достает свой носовой платок, вытирает Жене нос и гладит ее по голове.

Представь себе: я угодил в тюрьму — сам не ведаю почему.

Тюремщик с необъяснимой злостью меня моей же отделал тростью так, что трость разлетелась в щепки... Я две недели сидел на цепке.

Начальник тюрьмы, адвокат и стражник очистили полностью мой бумажник. От всех этих бедствий едва дыша, домой возвратился я без гроша... Вообще, происшествие крайне странное.

ЖЕНА *(отталкивает его)*.

Наглец! Растранижил мое приданое и от меня же сочувствия ждет! К чертовой матери! Хватит! Развод!

Бьет по одеялу. Из-под одеяла доносится покашливание. Жена кашляет в унисон.

МОКИНПОТТ.

Ну и дела! Разберись поди-ка, если мир так устроен дико. Весь век я работал, весь век служил, питался скромно, по средствам жил, квартирную плату платил

с аккуратностью.

И вдруг — неприятность за неприятностью!

Ступни, торчащие из-под одеяла, потирают одна другую.

ЖЕНА.

Нет уж! Чем быть женой уголовника, я предпочла бы иметь любовника, который может мне что-то дать. Я не намерена голодать!

Из-под одеяла — кашель. Жена тоже начинает кашлять. Она спихивает Мокинпота с постели, встает сама. Ночная рубашка у нее до полу, так что ног ее не видно. Зато теперь отчетливо видны ноги, покрытые одеялом.

МОКИНПОТТ (глядя на эти ноги).

Постой! Это что еще там за ноги!

ЖЕНА (глядя на ноги, быстро овладев собой).

Мои!..

Пока ты сидел в остроге, не на что было чулки купить, а в доме не было чем топить. Вот и отмерзли мои конечности из-за твоей исключительной

бессердечности!

Она вприпрыжку двигается по комнате, подпрыгивает к половой щетке, хватая ее, прыгает, опираясь на щетку, подметает пол. Потом прыгает к кровати и натягивает одеяло на торчащие ноги, тогда с другой стороны, из-под одеяла, выглядывает бородатая физиономия. Мокинпott в это время стоит спиной к постели. Когда Мокинпott оборачивается, бородатая физиономия уже исчезла под одеялом.

Ты, изверг, сделал меня инвалидкой. Теперь я ползать должна улиткой. Бросил жену, как последний хам! А ну, теперь проваливай сам!

(Угрожающе поднимает щетку.)

Любовник снова высовывает голову из-под одеяла. В эту минуту Мокинпott снова стоит к нему спиной, а когда поворачивается, тот уже успеваеt спрятать голову под одеялом.

МОКИНПОТТ.

Но ты покамест моя супруга, и мы не должны покидать друг друга.

ЖЕНА.

Давай проваливай прочь, дурак! С преступником я не вступала в брак.

Между тем Любовник вылез из постели. На нем короткая рубашка. Он ходит на цыпочках и старается натянуть рубашку как можно ниже. Не сводя глаз с Мокинпotta, он пробирается к шкафу. Мокинпott стоит к нему спиной и поворачивается только тогда, когда Любовник исчезает за шкафом.

МОКИНПОТТ.

О нет! Я не вынесу эту потерю... Что происходит? Глазам не верю. Какой-то в комнате кавардак...

(На цыпочках подходит к шкафу, хотя ему очень мешают перепутанные башмаки.)

И шкаф этот прежде стоял не так...

Жена гигантскими шагами скачет по комнате и подметает, стараясь отвлечь внимание Мокинпotta. Мокинпott подкрадывается к шкафу. Когда он заглядывает за шкаф, Любовник выскакивает вперед. Мокинпott — за шкафом, впереди — Любовник. Мокинпott исчез. Любовник двигается, прижимаясь к дверце шкафа. Снова появляется Мокинпott. Любовник исчезает. Мокинпott подходит к постели. Жена укрывается одеялом, вытягивая ноги. Мокинпott наклоняется над ней, хочет поднять одеяло.

ЖЕНА.

Нет, нет! Об этом и думать забудь! Я не дуреха какая-нибудь. Ишь до чего в нем разыграла похоть! Можешь, мой миленький, ахать и охать, но не получишь ты ни черта. С чувством покончено!.. Дверь заперта!

Любовник за шкафом издает страшное рычание.

МОКИНПОТТ (возрагивает и падает с постели прямо на колени).

Ох, вразуми, пресвятая царица! Что ж это в комнате нашей творится?! Шкаф оказался в другом углу, а я — не в постели, а на полу.

Любовник воеет за шкафом.

ЖЕНА (корчит злоеущие гримасы, расставляет руки и машет ими, как привидение).

Кыш! Кыш, нечестивец, из этого дома! Я совершенно с тобой не знакома. Тебя я вижу здесь в первый раз. Слышишь? Немедленно прочь с моих глаз!

Не то с цепи я спущу барбоса, и он оставит тебя без носа.

Любовник громко рычит.

МОКИНПОТТ (дрожа).

Господи, господи, господи боже! Это уж ни на что не похоже. Видимо, богу отдам я душу. Что со мной? Брр! Я, кажется, трушу.

Хлопая крыльями, появляются оба Ангела.

АНГЕЛЫ.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Драка вместо поцелуя!
Этот добрый человек
тяжко страдает весь свой век.
Он свои злосчастья множит
тем, что их понять не может
и дрожит, как воробей,
не поняв своих скорбей!

(Исчезают, хлопая крыльями.)

МОКИНПОТТ (на коленях пятится от постели).

Почему ты меня узнавать не хочешь и понапрасну меня порочишь? За что, объясни мне, на самом деле, ты гонишь меня из моей же постели? Я полагаю — ты просто спятила, не зная, кого ты во мне утратила!

Жена и Любовник поднимают ужасный рев. Мокинпott, жалобно пивизгивая и все так же на коленях, удаляется.

Картина 4

У ХОЗЯИНА

Хозяин стоит за конторкой с бумагами и ручкой. Мимо проходит Служащий с ящиком. Появляется Мокинпott. Он достает из кармана часы, подносит их к уху, встряхивает: внутри что-то брэнчит. Он снова сует часы в карман, подходит к Хозяину, кланяется. Хозяин не поднимает глаз.

МОКИНПОТТ.

Доброе утро, ваша милосты! Вы знаете, что со мной приключилось? Представьте себе: я попал в тюрьму. За что — вы спросите. Сам не пойму! Ведь я не бродяга, не вор, не мошенник, не изготовитель фальшивых денег. Конечно, я объяснил тотчас, что долгие годы служу у вас, объяснил, что я известен вам лично. Но оказалось — им все безразлично. Тюремщик так меня отхлестал, что дальше я объяснять не стал. Короче, они мне заткнули глотку и сунули в камеру, за решетку.

ХОЗЯИН (поднимает взгляд).

Мой друг, я с трудом понимаю вас и вижу вас, кажется, в первый раз. Все! Будьте счастливы! До свидания! Если ж вы просите подачника, то обратитесь в соседний дом: мы, к сожаленью, не подаем.

МОКИНПОТТ (достает из кармана смятую бумажку).

Взгляните на это удостоверение: я служащий вашего учреждения. Моя фамилия — Мокинпott. Я здесь не один проработал год.

ХОЗЯИН (не глядя на бумажку, которую протягивает ему Мокинпott).

Ах, это было давным-давно, а если недавно, то — все равно, поскольку вы, под предлогом ареста, покинули ваше рабочее место, не имея достаточного основания в виде подтвержденного доктором заболевания.

Итак, считайте, что вы уволены. У нас прогуливать не позволено! (Вновь углубляется в свои бумаги.)

Мимо снова проходит Служащий с ящиком.

МОКИНПОТТ (окликает его).

Здорово! Ты помнишь меня? Погляди! Будь добр: пожалуйста, подтверди, что я вместе с вами грузил эти ящики и мной довольны были заказчики.

ХОЗЯИН.

В рабочее время не смей разбазаривать!

Рабочее время нельзя разбазаривать!

МОКИНПОТТ.

Поймите меня, уважаемый шеф: без всяких причин за решетку сев, я не повинен в своем отсутствии...

Прошу вас: явите ко мне сочувствие. Ведь должен же кто-то и мне помочь! ХОЗЯИН.

Вы все еще здесь?! Убирайтесь прочь! МОКИНПОТТ.

Нет, вы не отвергните просьб моих! Готов работать я за двоих.

ХОЗЯИН.

Уж как-нибудь обойдемся одним, а с вами знаться мы не хотим.

МОКИНПОТТ.

Да это же попросту издевательство! ХОЗЯИН.

Вы что, явились для подстрекательства?! МОКИНПОТТ.

Но все ж на моей стороне закон... ХОЗЯИН.

Я повторяю: ступайте вон!

Не то вам, голубчик, придется худо...

Возвращается Служащий с ящиком. Хозяин обращается к Служащему.

Послушай-ка, выкинь его отсюда!

Служащий ставит ящик на пол, подходит к Мокинпottу. Мокинпott отступает.

МОКИНПОТТ.

Не надо. Я сам не останусь тут.

Вот — благодарность за честный труд! (Уходит, пятясь.)

Картина 5

НА ПРИРОДЕ

Скамья и маленький круглый стол. Мокинпott сидит на скамье, склоняясь над столом и уронив голову на руки. Появляется Вурст. У него отличное настроение, он прикладывается к своей бутылочке, снова наполненной на одну треть. Мокинпott поднимает голову, но едва замечает Вурста и обращается скорей к самому себе.

МОКИНПОТТ.

Ах, как своих мне добиться прав? ВУРСТ.

Ах, надо биться, когда ты прав! МОКИНПОТТ.

Ведь пострадал-то я не за дело. ВУРСТ.

А! Наконец-то тебя задело!

МОКИНПОТТ (всклипывая).

Еще бы! В родной возвращаюсь дом и застаю там сплошной содом. Жена, увидев во мне злодея, накостыляла меня по шее и прогнала меня из кровати...

ВУРСТ.

Печальный случай... Скажи-ка, кстати, ты убежден, что твоя жена все это время жила одна?

МОКИНПОТТ.

Не вижу повода для тревоги.
У ней, бедняжки, отмрзли ноги:
по комчате прыгает еле-еле,
а ноги отдельно лежат в постели.
Из-под одеяла торчали две пятки...

ВУРСТ.

И ты поверил, что все в порядке?!
Под одеяло не заглянул?!

МОКИНПОТТ.

Ну, насчет этого ты загнул!
Хоть со мною жена поступает жестоко,
она, слава богу, не вертихвостка.

Вурст подсаживается к нему на скамейку, протягивает ему свою бутылку. Мокинпott не замечает бутылку, тогда Вурст сам прикладывает к ней.

Неужто вправду, с невинной миной,
она лежала с другим мужчиной?

(Закрывает лицо руками и плачет.)

О, мой уютный, мой милый дом,
тот, где, полакомившись кофейком,
бывало, в теплый шlafрок одетый,
дремал в качалке я над газетой!

ВУРСТ.

В твоей качалке другой качается.
Такое в жизни порой случается.

МОКИНПОТТ *(выпрямляясь)*.

А что мне делать с моей работой?
Поди попробуй где заработай!
Из-за проклятой моей отлучки
лишен я должности и получки.
Мой пост уже занял какой-то тип.
Теперь ты видишь, что я погиб.

ВУРСТ.

Ты что там делал в своей конторе?
Небось околачивался в коридоре?

МОКИНПОТТ *(оскорбленно)*.

О! Мне доверены были ящики,
куда укладывались образчики.
Я отправлял их и принимал
и заносил в специальный журнал:
артикул, фактура, цена и название.
И в этом я видел свое призвание!..
Другой мои ящики заколачивает!

ВУРСТ.

Другой твои денежки заколачивает.

Мокинпott, плача, роняет голову на руки. Стол не выдерживает. Мокинпott падает на землю. Вурст продолжает сидеть на скамье и снова прикладывает к бутылочке.

С чего это ты разлегся на травке?
Куда удобней сидеть на лавке.
А за полomку казенного столика,
казна тебя обдерет, как кролика.

МОКИНПОТТ *(лежа на земле)*.

Ах, чем платить, если я уволен?
Я помираю... Я очень болен...

ВУРСТ *(закупоривает бутылку, встает)*.

Тогда пойдем-ка быстрее к врачу!
Он кровь исследует и мочу,
нутро клистиром тебе промоет,
а если нужно — и брюхо вскрыет!..

Мокинпott корчится, хватается за голову. Вурст пробует его поднять. Мокинпott отбивается. Вурст перекидывает его руку себе через плечо и уносит.

Все удалит он в один момент —
глядишь: и вылечился пациент!

Вурст уходит, унося Мокинпotta на спине. Хлопая крыльями, появляются оба Ангела.

АНГЕЛЫ.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Избавления не чужь,
этот добрый человек
тяжко страдает весь свой век.
Отчего? Понять не может.
Может, врач ему поможет?
Да спасет его от мук
доктор всяческих наук!

Ангелы исчезают, хлопая крыльями.

Картина 6

У ВРАЧА

Медицинская кушетка, операционный стол. На стене висит белый халат и доска с прикрепленными к ней инструментами, пробирками, колбами. Вурст вносит на спине Мокинпotta. Одновременно входит Врач в белом халате, за ним следуют две медицинские Сестры, тоже в белых халатах. Вурст опускает Мокинпotta на кушетку. Сестры укладывают его как следует, Вурст подкидывается к стене и надевает белый халат. В это время Врач, держась рукой за подборок, важно ходит вокруг стола. Вурст незаметно развязывает тесемки у халата 1-й Сестры, которая склонилась над кушеткой, и прячется за 2-й Сестрой. 1-я Сестра считает, что это сделала 2-я Сестра, и дает ей пощечину. 2-я Сестра отвечает тем же.

ВРАЧ *(во время этой сцены)*.

Ага... Ага... Да, да... да, да...
Еще один страдающий прибыл сюда!
Так, так... Все абсолютно ясно...
Печень изъедена... Сердце ужасно...
Так, так... Понимаю вас, дорогой.
Пошевелите левой ногой...

Врач останавливается перед Мокинпottом и, подняв правую руку, щелкает пальцами. 2-я Сестра снимает с доски молоток и передает его Врачу.

Вурст развязывает тесемки у халата у 2-й Сестры и с невинным видом отходит в сторону. Вручив молоток Врачу, 2-я Сестра дает пощечину 1-й Сестре. 1-я отвечает тем же. Все это происходит в очень быстром темпе.

Врач заносит молоток над головой Мокинпotta, но, не ударив, переносит молоток дальше и так постепенно доходит до колена. Врач бьет Мокинпotta молотком по колену, нога взлетает вверх, задевает Врача. Врач падает, увлекая за собой обоих Сестер. Вурст хватается стетоскоп и выслушивает Мокинпotta с ног до груди. Врач и Сестры встают с пола.

Вы что-нибудь слышите там, коллеги?

ВУРСТ.

Скрипит, как намазанная телега.

ВРАЧ.

Может быть, стоит сделать укол?

ВУРСТ.

Надо немедленно класть на стол.

Мокинпотта укладывают на стол.

МОКИНПОТТ (*вскакивая*).

Ой-ой, не режьте! Ой-ой, не буду!

Ой, отпустите меня отсюда!

ВРАЧ.

Мой дорогой, прекратите крик!

Высуньте, будьте добры, язык.

Врач щелкает пальцами. 1-я Сестра подает ему карманный фонарик, и Врач освещает рот Мокинпотта. Вурст заглядывает туда.

(*Обращаясь к Вурсту.*)

Ну, что? Видали?

ВУРСТ (*с наигранным ужасом*).

Вот это да!!!

ВРАЧ (*обращаясь к Мокинпотту*).

Ну-ка, голубчик, скажите «а».

МОКИНПОТТ.

И!

ВРАЧ.

Нет «а»! Повторите снова!

МОКИНПОТТ.

О!

ВРАЧ.

До чего же вы бестолковы!

А!..

МОКИНПОТТ.

У!

ВРАЧ.

«А» — говорят вам! При чем тут — «у»?

МОКИНПОТТ.

Господин профессор, я все скажу, если вы откровенно признаетесь, чего вы сейчас от меня добиваетесь, поскольку я должен понять, отчего вам нравится «а», а не «у» или «о».... Простите меня, господин академик...

Врач и Вурст низко склоняются над Мокинпоттом.

ВРАЧ.

Сейчас нет времени для полемик! Здесь — случай невероятной сложности: язык обложен до невозможности. Так... так... Понятно...

(*Обращаясь к Вурсту.*)

Взгляните сами...

ВУРСТ.

Теперь он держит язык за зубами.

ВРАЧ.

Откройте рот, господин Мокинпотт, не то мы вам сами откроем рот!

Сестры — слева и справа — раздвигают пальцами рот Мокинпотта.

МОКИНПОТТ (*стонет*).

А-а-а-а!

ВРАЧ.

Умер!.. Нет, кажется, дышит... Ну-ка...

ВУРСТ.

Я слышу внутри подобие звука...

Врач размахивает руками перед лицом Мокинпотта.

ВРАЧ.

На свет реагируют рогаицы?

Сестра, принесите сюда таблицы!

ВУРСТ (*обращаясь к другой Сестре*).

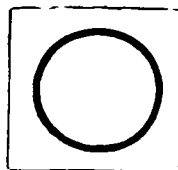
А вы поднимите пациенту голову, она у него тяжелее олова.

1-я Сестра поднимает голову Мокинпотту. 2-я Сестра приносит кипу четырехугольных таблиц и ставит их в ногах Мокинпотта.

ВРАЧ.

А ну, ответьте нам без запинки, что нарисовано на картинке?

2-я Сестра поднимает первую таблицу.

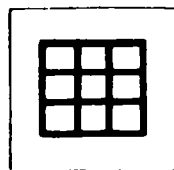
МОКИНПОТТ (*с трудом*).

Луна.

ВРАЧ (*очень быстро*).

Солнце!

2-я Сестра поднимает вторую таблицу.

МОКИНПОТТ.

Клетка.

ВРАЧ.

Оконце!

2-я Сестра поднимает третью таблицу.

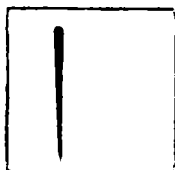
МОКИНПОТТ.

Рыба.

ВРАЧ.

Птица!

2-я Сестра поднимает четвертую таблицу.

МОКИНПОТТ.

Игла.

ВРАЧ.

Спица!

2-я Сестра поднимает пятую таблицу.

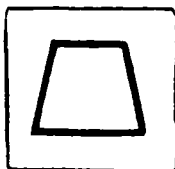
МОКИНПОТТ.

Трость.

ВРАЧ.

Трубка!

2-я Сестра поднимает шестую таблицу.

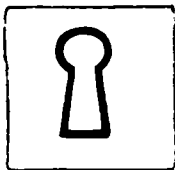
МОКИНПОТТ.

Зонт.

ВРАЧ.

Юбка!

2-я Сестра поднимает седьмую таблицу.

МОКИНПОТТ.

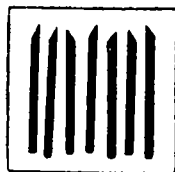
Дерево.

ВРАЧ.

Нет. Замочная скважина!
(Тихо. Вурсту.)

Ага... Восприятие явно разлажено.

2-я Сестра поднимает восьмую таблицу.

Ну?

МОКИНПОТТ. (с трудом).

Зубочистка.

ВРАЧ.

Нет. Частокол!

2-я Сестра поднимает девятую таблицу.

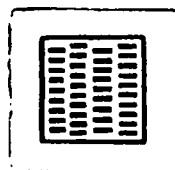
МОКИНПОТТ.

Какая-то женщина...

ВРАЧ.

Письменный стол!

2-я Сестра поднимает десятую таблицу.

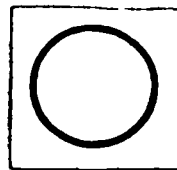
МОКИНПОТТ.

Газета.

ВРАЧ.

Стена!

2-я Сестра снова поднимает первую таблицу.

МОКИНПОТТ. (обрадованно).

Солнце!

ВУРСТ. (ревет).

Луна!!!

ВРАЧ. (наставительно).

Все очевидно. Сомнений нет.

ВУРСТ.

Делириум тременс. Горячный бред.

МОКИНПОТТ (*смущенно*).

Но, чтоб разобраться в таком
рисовании,
надобно высшее образование.
Рябит в глазах... Голова гудит...

1-я Сестра выпускает голову Мокин-
потта. Голова с грохотом ударяет-
ся о стол. Мокинпотт стонет.

ВРАЧ.

Вы полагаете — менингит?
Больной нуждается в операции...
Сестра! Инструменты для трепанации!
Ага! Спасибо! Уже несут!
Так вскроем же сей драгоценный сосуд!

Врач щелкает пальцами. 1-я Сестра
подает ему огромный ключ. При-
ставив ключ к голове Мокинпотта,
Врач с шумом поворачивает его и
открывает люк, который имеется у
Мокинпотта в черепе. Врач и Вурст
склоняются над черепом и, столк-
нувшись лбами, отскакивают.

Там что-то было? Я не ошибся?

ВУРСТ.

Не вы ошиблись, а я ушибся.

Вурст заглядывает в открытый че-
реп Мокинпотта. Потом он подни-
мает руку и щелкает пальцами. 2-я
Сестра подает ему огромную ложку.
Вурст помешивает ложкой в черепе
у Мокинпотта. Мокинпотт хихикает
и сучит ногами. Сестры придержи-
вают его за ноги.

ВРАЧ (*в восторге*).

Вот это, я доложу вам, мозг!
Не мозг, а целый газетный киоск!
Вы, видно, газеты читали усиленно?
Бумажной трухую забиты извилины.

Вурст поднимает руку и щелкает
пальцами. 1-я Сестра протягивает
ему сосуд в виде солонки. Вурст тря-
сет солонку над головой Мокин-
потта, потом возвращает ее Сестре. Се-
стра берет солонку и передает Вур-
сту красную бутылку. Вурст льет
что-то из бутылки в голову Мокин-
потта, возвращает бутылку Сестре
и получает кулек. Он сыплет что-то
из куляна в голову Мокинпотта, воз-
вращает кулек и получает сосуд в
виде перечницы. Из нее он тоже
что-то сыплет в череп и возвраща-
ет Сестре.

Все происходит с величайшей ско-
ростью.

(*Наблюдая за манипуляциями Вурста.*)

Смотрите, как под рукою гения
мозг заново ожил в одно мгновение!
Востину мощь медицинских светил
исходит от мощи божественных сил!

Вурст с грохотом закрывает крыш-
ку в черепе Мокинпотта, затем, вы-
прямившись, потирает руки. Врач
прикладывает ухо к груди Мокин-
потта, а Вурст — к его животу.

Коллега, вы слышите: сердце стучит?

ВУРСТ.

Не столько стучит оно, сколько урчит.

Вурст лезет под рубашку Мокинпот-
та, Мокинпотт хихикает и дергает-
ся. 1-я Сестра держит его руки. 2-я
Сестра наваливается всем телом
на его ноги. Врач тоже ощупывает

Мокинпотта со всех сторон. Мокин-
потт разражается пронзительным
хохотом. Вурст поворачивает Мокин-
потта на бок и сзади запускает ру-
ку в его штаны. Оттуда он достает
огромное сердце. Он поднимает его,
встряхивает: внутри что-то бренчит.

ВРАЧ (*восторженно*).

Не сердце, а прямо — подарок невест!

ВУРСТ.

Только лежало оно не на месте.

Вурст щелкает пальцами, и 1-я Се-
стра очень быстро подает ему те же
сосуды, в той же последователь-
ности. Из каждого он что-то подсыпа-
ет в сердце Мокинпотта.

ВРАЧ (*во время манипуляций Вурста*).

Зачем ходить в драматический театр,
когда есть анатомический театр?
У нас даются такие спектакли,
что всякий спектакль переключают. Не
так ли?

При этом иные актерские труппы
бывают куда неподвижней, чем труппы.
Не стройте печальную физиономию,
а постигайте, друзья, анатомию,
и, по частям изучая тело,
вы овладеете им всецело!..
Сейчас в порядке увеселения
явили мы вам чудеса исцеления.
И наш пациент на краю могилы
обрел здоровье и свежие силы.

Вурст засовывает сердце глубоко
под рубашку Мокинпотту. Мокин-
потт хихикает.

(*Указывая на Вурста.*)

Какая работа! Каков итог!

ВУРСТ (*с поклоном*).

Я, право же, сделал лишь то, что мог...

Картина 7

НА ПРИРОДЕ

Появляются Вурст и Мокин-
потт. Мокинпотт хихикает. Время
от времени он теряет контроль над
движением своих рук и ног.

МОКИНПОТТ.

Ах, Вурст!.. Мне худо... Честное слово,
я, кажется, заболелю снова.

(*Почесывается и нелепо хлопает себя
руками.*)

ВУРСТ (*наставительно*).

Стыдись!.. Мы только что слышали сами
своими собственными ушами
от величайшего из профессоров,
что ты отныне вполне здоров.
Как смеешь ты ставить под подозрение
столь просвещенную точку зрения?
С каких же это, скажи мне, пор-
ты с профессурой вступаешь в спор?
Оставь злонамеренные нападки
и помни, что все у тебя в порядке!

МОКИНПОТТ *(время от времени хихикая)*.

Позволь, но какой же это порядок?
Жизнь, ей-богу, полна загадок.
Во-первых, меня посадили в тюрьму.
За что? Неведомо мне самому.
Во-вторых, адвокат и тюремщик-
мошенник
меня лишили последних денег,
в-третьих, жена прогнала из дому,
коварно отдавши себя другому,
в-четвертых, я без работы скитаюсь
и, можно сказать, ничем не питаюсь.
Мне горько... Мне тяжело... Я плакать
хочу,
но только заплачу, как — хохочу.

(Почесывается, шатается, раздражается хохотом, потом умолкает смущенно.)

ВУРСТ *(торжественно)*.

В тебе воплотился всемирный рок!
Для этого случая нужен пророк.
Возможно, что мы — на пороге разгадки
таинственнейшей мировой загадки.

Мокинпott стоит, разинув рот и вы-
таращив глаза, потом поднимает
указательный палец, словно желая
подчеркнуть важность осенившей
его мысли.

Хлопая крыльями, появляются оба
Ангела.

АНГЕЛЫ.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Над судьбою торжествуя,
этот добрый человек,
протрадавший весь свой век,
очень скоро разгадает,
отчего он так страдает...
Ты на правильном пути,
лишь момент не упусти!
(Ангелы исчезают, хлопая крыльями.)

МОКИНПОТТ.

Да, да. Я знаю: спасенье близко...
Но как бы тут обойтись без риска?
(Умолкает и стоит, разинув рот.)

Во мне провидение заинтересовано.
Ах, это, по-моему, очень рискованно!

ВУРСТ.

Послушай!

МОКИНПОТТ.

Что?

ВУРСТ.

У меня — идея.

МОКИНПОТТ.

Какая?

ВУРСТ.

Ее изложу тебе я.
Нам надо сейчас же искать
покровительства
у нами же избранного правительства.
Оно помещается здесь, за углом...
Видишь тот многоэтажный дом?

МОКИНПОТТ.

Неужто столь высокие лица
станут с такими, как мы, возиться?
У них полно государственных дел.
Ты что, действительно очумел?!

ВУРСТ.

А в этом прямое их назначение —
брать своих подданных на попечение.
Они — правительство, мы — народ.
Мы их выбираем который год.
На этом-то в общем все у них строится.
Идем. Я уверен, что все устроится.

Оба уходят.

Картина 8

У ВЛАСТЕЙ

За высоким столом сидят три
правительственные Пер-
соны с неправдоподобно огром-
ными головами. 1-я Персона поче-
сывает в затылке, 2-я Персона ко-
выряет в носу, 3-я Персона поло-
жила ноги на стол.
Входят Вурст и Мокинпott.
Мокинпott низко кланяется. Вурст,
подбоченясь, откидывается назад.

ВУРСТ.

Мой друг, досточтимый мосье
Мокинпott —
налогоплательщик и патриот —
хотел бы спросить представителей
власти
о причинах случившихся с ним
злосчастий.

1-я ПЕРСОНА *(поглаживая себя по лицу, обращается ко 2-й Персоне)*.

Скажите, ну как ваша новая вилла?
Мы в нашей устроились очень мило.

МОКИНПОТТ *(обращается к 1-й Персоне)*.

Например, хотелось бы знать, господа,
почему без следствия и суда
я две недели прозел в заключении,
с чего начались все мои злоключения.
И почему безо всякой моей вины
меня полицейские взяли чины,
в тюрьму упрятав меня незаслуженно,
когда я домой возвращался к ужину?

Вурст в это время выполняет все-
возможные гимнастические упраж-
нения.

1-я ПЕРСОНА *(обращается к 3-й Персоне)*.

Я слышал, что ваша супруга снова
намерена шить у того же портного?

2-я ПЕРСОНА *(очень быстро)*.

В свободном мире малейший бунт
подавлен должен быть в пять секунд
и любого, кто бунтовщиком окажется
или хотя б таковым покажется,
полиция тотчас берет в оборот.
Стало быть, господин Мокинпott,
ваш случай может служить
доказательством,
насколько верны мы своим
обязательствам...

3-я ПЕРСОНА *(незамедлительно подхватывает)*.

...сажая зачинщиков без промедления
для избавления населения
от подстрекателей, и предателей.
и от приятелей подстрекателей.

МОКИНПОТТ *(обращается к 3-й Персоне)*.

Но кто, объясните, тому виною,
что я обманут своей женою?
Она была мне как жизнь дорога
и вдруг наставила мне рога.
Поэтому крайне нуждаюсь в средстве я
для прекращения семейного бедствия.

В это время Вурст делает несколько приседаний.

1-я ПЕРСОНА *(обращается к 3-й Персоне)*.

Так, значит, вам нравится ваша вилла?
Мы в нашей устроились очень мило.

2-я ПЕРСОНА *(очень быстро)*.

Приятно, что именно от правительства
вы ждете поддержки и покровительства
в случившейся с вами семейной драме,
поскольку мы заинтересованы сами
в укреплении нравственности и
семейных устоев,
на этом свое государство построив.

3-я ПЕРСОНА *(быстро, отрывисто, как заведенная)*.

Мы все полны абсолютной решимости
семью поддерживать в несокрушимости
и преисполнены чувства ответственности
в заботах своих о здоровой
наследственности.

МОКИНПОТТ *(обращается к 1-й Персоне)*.

Простите, что время у вас отнимаю,
но я, к сожалению, не понимаю,
за что меня лишили работы
и попросту выкинули за ворота?

2-я ПЕРСОНА *(ковыряя в зубах, обращается к 1-й Персоне)*.

А как здоровье вашей супруги?
Моя отдыхает сейчас на юге.

3-я ПЕРСОНА *(раздвинув лежащие на столе ноги)*.

Борясь за всеобщее благополучие,
мы допускаем, что в данном случае,
возможно, вышло недоразумение.
Но надо учитывать тем не менее,
что государство всемерно заботится
о сокращении безработицы...

2-я ПЕРСОНА *(механически подхватывает)*.

...Трудоустройство и судоустройство
содержат как будто бы разные свойства,
но судопроизводство и
трудопроизводство
имеют вполне ощутимое сходство.

3-я ПЕРСОНА *(ковыряя пальцем в ухе, обращается ко 2-й Персоне)*.

Нет, именно персиковое варенье
полезно для сердца и пищеvarенья.

МОКИНПОТТ *(обращаясь ко 2-й Персоне)*.

Позвольте задать еще пару вопросов.
Вы видите сами: я слабый философ...

Теперь он говорит с жаром, попеременно обращаясь к 1-й, 2-й, 3-й Персонам.

Но эта мысль меня так и грызет:
с чего же все время мне так не везет?
Я в ссоры и в споры ни с кем не
вступаю,
а если и спорю, тотчас уступаю,
я — не разбойник и не злодей,

и — откровенно — люблю людей.
Люблю их всех вместе и поодиночке,
будто они мне сынки или дочки,
но только выйду я на дорожку,
любой норовит мне подставить ножку...
Всюду мне плохо и все — не так:
работа, деньги, любовь и брак,
здоровье и башмаков надевание —
все доставляет одно страдание.
И в голове моей не уместается,
что разрешается, а что запрещается!..

Вурст выполняет бег на месте.

1-я ПЕРСОНА *(зевая, обращается ко 2-й Персоне)*.

И все же наша новая вилла,
по-моему, выглядит очень мило.

3-я ПЕРСОНА *(механически, быстро, отрывисто)*.

Сейчас разрабатываются указания
насчет повышения образования,
поскольку нет ничего священные,
чем дело народного просвещения,
и мы полны железной решимости
добиться железной несокрушимости
правопорядка и трудоустройства,
так что нет поводов для беспокойства.

Появляется Лакей с колокольчиком. Звонит.

ЛАКЕЙ.

Просьба покинуть резиденцию!
Господа закончили аудиенцию.
Начинается выработка декларации
для укрепления единства нации!

Мокинпott с глубоким поклоном
удаляется. Вурст, уходя, показывает
правительственным Персонам зад.
Начинается приготовление к
выработке декларации — покашливание,
чихание, постукивание пальцами по
столу, отсчет: раз, два, три!

Картина 9

НА ПРИРОДЕ

В репродукторе слышится текст
декларации, исполняемый как трех-
голосый канон.

Появляются Мокинпott и
Вурст. Сначала оба почтительно
кивают. Вурст трясет головой, уголки
рта у него опущены. Мокинпott
кивает сдержаннее, взявшись рукой
за нос или за подбородок.

В дальнейшем кивает один Мокин-
пott, а Вурст начинает сопровож-
дать слова декларации вращением
глаз и разведением рта. Покуда
Мокинпott напряженно вслушивается,
Вурст подражает жестикам вращающегося
оратора: бьет себя кулаком в грудь,
простирает руки. Время от времени
Мокинпott жестами заставляет его
вести себя более почтительно, одна-
ко Вурст не обращает на него
никакого внимания. Мокинпott при-
ставляет руки к ушам, чтобы лучше
слышать.

Декларация:

1-я ПЕРСОНА.

Решимость одержимость
несокрушимость

(Прокашливается.)

я вроде бы все понимаю разом,
но стоит вникнуть в них хоть чуть-чуть,
как мигом вся ускользает суть,
и то, с чем я только что сам был
согласен,
мне кажется самой дурацкой из басен.

Хлопая крыльями, появляются оба
Ангела.

АНГЕЛЫ.

Аллилуйя! Аллилуйя!
Счел себя за обалдую
этот добрый человек,
зря страдавший весь свой век.
Только он уже отчасти
понял суть своих злосчастий!
Да поможет бог ему
раскумекать, что к чему!

Хлопая крыльями, Ангелы улетают.

МОКИНПОТТ.

Они говорят, что я нужен богу.
Но как он отыщет ко мне дорогу?

ВУРСТ.

Нисходит господь к своим бедным
чадам!
Следуй за мной и учти: он — радом!
Мокинпотт и Вурст уходят.

Картина 10

У ГОСПОДА БОГА

Господь бог сидит в длинной
дохе. На голове у него цилиндр. Он
сосет толстую сигару. Мокин-
потт входит с глубоким поклоном.
Вурст держится немного позади.

ГОСПОДЬ БОГ.

Ага, ага... Да, да... Да, да...
Еще один праведник прибыл сюда,
который наличию мира земного
предпочел величие мира иного,
понявши среди суеты сует,
насколько прекрасно устроен тот свет,
и вообще принимает вполне осознанно
все то, что моею рукою создано.

МОКИНПОТТ.

Господин создатель земель и вод,
позвольте представиться: Мокинпотт.
(Низкий поклон.)

Со мной происходит нечто такое,
что не оставляет меня в покое.
Сплошные злосчастья меня преследуют.
За что? Я сам не пойму как следует.
И мне хотелось у вас узнать...
Ну... Как бы это точнее сказать?..
(Приставляет палец к носу.)

Если такое со мной происходит,
то из чего же все это исходит?
И что бы со мною происходило,
если бы было не то что было?
(С трудом подбирая слова.)

Возможно, вам неясен вопрос.
Но я его задаю всевозможным,
потому что в мире, созданном вами,
все перевернуто вверх ногами,

и если дело так дальше пойдет,
куда это, в сущности, заведет?

(Отдувается, вытирает платком пот со лба.)

ГОСПОДЬ БОГ.

В одном из недавних своих заявлений
я, среди прочих отрадных явлений,
отметил всеобщую тягу к знаниям,
что совпадает с моим желанием.
Сочувствуя веяниям новой эры,
я не сторонник бездумной веры.
Так что, пожалуйста, не стесняйтесь:
спорьте, спрашивайте, сомневайтесь!

Вурст выскакивает вперед, прило-
жив руку к груди, затем говорит,
жестикულიруя.

ВУРСТ.

Господин управляющий мирозданием,
я прибыл к вам с небольшим
заданием.

Дело сводится к интервью:
«Вопросы, заданные в раю».

(Поднимает указательный палец.)

Итак, в котором часу вы встаете?
Как долго задерживаетесь на работе?
Какая в вашем раю погода?
Что вы считаете «фильмом года»?
Ваш любимый вид отдыха или спорта?
Верите ли вы в реальность черта?

Господь бог сердито мотает головой,
затягивается сигарой и грозит паль-
цем.

Вы с ним не намерены встретиться
вскоре?

Сколько ангелов в райском хоре?
И есть ли такие, которые пляшут,
а не только поют и крыльями машут?
Как вы относитесь к их репертуару?
И нельзя ли у вас попросить сигару?

Господь бог делает сильною затяжку
и, поперхнувшись, кашляет. Вурст
хлопает его по спине.

ГОСПОДЬ БОГ.

Вы, верно, забыли, с кем вы говорите?!
Откуда, сударь, в вас столько прыти?
Можно ль подобную чушь молоть?
Ведь все-таки я как-никак — господь!
Мой возраст, расшатанность нервной
системы
вообще исключают острые темы.
Не так это просто — скажу без
зазнайства —
считаться владельцем такого хозяйства,
к тому ж содержать столь огромный штат

архангелов, ангелов и ангелята.
А конкуренты? А силы ада?

(Показывает вниз.)

С ними ведь тоже считается надо,
поскольку можно с любой стороны
ждать всяких гадостей от сатаны.

(Затягивается сигарой.)

Видите сами: хватает работы!
Эх, господи! Мне бы ваши заботы!
Честное слово, не будь я бог,
я сам бы бог знает куда убер
в надежде выспаться хоть немного!

Да нет, куда там! Все ищут бога,
просьбами мне переели плешь:
одному — подай, другого — утешь,
третьему — отпусти грехи и проделки.
Вот и кружишься хуже белки:
туда-сюда, туда-сюда.
Получается сушая ерунда,
потому что даже в небесном тресте
все — ни к черту и все не на месте,
все расплывается, все не в порядке —
не успеваешь ставить заплатки,
чтоб христиане, по крайней мере,
вконец не изверились в божьей вере!

(Обращается к Вурсту.)

Сударь, мне нужен толковый совет,
но от вас, я думаю, толку нет.
Послушаем лучше того господина.
*(Рукой, в которой он держит сигару,
указывает на Мокинпotta.)*

Он выглядит скромно и держится чинно.
Пожалуйста, господин Коверкот,
подтвердите, что вера для вас — оплот,
с тем чтобы вы хотя бы немного
утешили вашего бедного бога.

МОКИНПОТТ *(кланяясь).*

Боюсь, что и я вас ничем не обрадую...
(Хихикает.)

Почему, когда я стою, я падаю?
Почему, на подставленный стул садясь,
я сажусь мимо стула и шлепаюсь
в грязь?

(Прыскает.)

И почему, едва открывая рот,
смех... смех... из меня прямо так и прет?!

Мокинпott громко смеется. Вурст
тоже раздражается хохотом, держась
руками за живот.

(Внезапно обрывает смех, расвиревев.)

Послушайте вы, исполнитель роли
владыки, сидящего на престоле!
Уж если вы вправду создатель земли,
чего ж ничего вы мне дать не смогли?
Признайтесь сами, имейте мужество:
от экономики до супружества —
во всем бесчинство и кавардак.
Повсюду свинство! И все — не так!
Религия, пресса, законодательство —
все издевательство и надувательство!
Так неужели я стану впредь
покорно злосчастия свои терпеть?!

От переводчика

Новая пьеса Петера Вейса — балаганный лубок, фарс, площадная комедия. Традиционные персонажи, словно заимствованные из средневековых ярмарочных представлений, из ганс-саксовских «фастнахтшпильей», сыплют раешными прибаутками, падают, стучаются лбами, награждают друг друга пощечинами, а главным герой то и дело оказывается в несуразно-смешных ситуациях.

Сам драматург, не раз высказывавший свое недовольство современным западным театром, рассчитанным на зрителя первых рядов партера, давно мечтал о создании спектакля, который можно было бы разгребать на улицах и площадях, в заводских и студенческих клубах, о спектакле, демократичном не только по содержанию, но и по форме и доступном самым широким массам. Конечно, не следует думать, что речь идет о дешевой клоунаде, о нарочитой примитивизации. Автор

Вам кажется этот порядок нормальным?
Единственно правильным, идеальным?
Молчите! Хватит! Позор и стыд!
Я этой дрянью по горло сыт!

Мокинпott резко поворачивается,
хочет шагнуть как можно дальше,
но, споткнувшись о собственную ногу,
садится на пол. Сидя на полу, он
ощупывает свои все еще перепутанные
башмаки.

Господь бог, покачивая головой, медленно уходит, сломленный, с удрученным видом. Сигара косо свешивается из уголка рта.

Картина 11

НА ПРИРОДЕ

Мокинпott сидит на земле. Он
ощупывает левый башмак на правой
ноге, затем расшнуровывает
башмаки. К Мокинпottу подсаживается
Вурст и, поглядев на него,
достает свою бутылочку и
прикладывается к ней. Мокинпott
снимает башмак, разглядывает его.
Затем он расшнуровывает правый
башмак на левой ноге, снимает и
его тоже, после чего он тщательно
надевает левый башмак на левую
ногу, а правый — на правую.

Вурст делает еще глоток, рыгает,
прячет бутылочку в карман. Мокинпott
встает. Сперва он нетвердо
стоит на ногах, делает несколько неуверенных шагов, как бы утасовать ходить.
Вурст смотрит на него с ухмылкой. Мокинпott с каждым шагом
идет все лучше и лучше.

Хлопая крыльями, появляются оба
Ангела.

АНГЕЛЫ

Аллилуйя! Аллилуйя!
Веселись напропалую!
Этот добрый человек,
претерпевший весь свой век,
без молитв и без причастий
понял суть своих злосчастий!
Так последуем за ним,
ибо он — непобедим!

Оба Ангела исчезают, громко грохоча
крыльями.

Мокинпott с легкостью танцора или
конькобежца описывает несколько
кругов по сцене, уходя все дальше
и дальше...

Вурст лежит на спине, подложив руки
под голову, и храпит.

сложнейших философских драм, таких как «Марат» и «Судебное разбирательство», Петер Вейс в данном случае озабочен возвращением театрального зрелища к его народным истокам, к фольклору, который порой намного «интеллектуальнее» и глубже, чем вымученный рационализм иных современных пьес.

Последователь Брехта, Петер Вейс и в прежних своих вещах широко использовал приемы народного творчества, в том числе элементы ярмарочных действий и так называемый «книттельферз» — немецкий раек XVI века, который писал когда-то Ганс Сакс и который два столетия спустя заново ожил в шиллеровском «Лагере Валленштейна». Именно через этот стих, возникший в гуще самого народа, Вейс пытается выразить **народное** отношение к волнующим его проблемам и с присущей народному мышлению прямотой дать оценку происходящим на сцене событиям. При этом Вейс далек от механического перенесения или привнесения фольклорных приемов в современную стихотворную драматургию. Перед нами не «перенесение», а именно творческое использование и творческое переосмысление фольклорных мотивов и приемов, обогащающих, а никак не упрощающих современный театр.

С внешней точки зрения сюжетные ситуации пьесы чрезвычайно традиционны: злоключения простака, пресловутого «маленького человека», который нелеп и несуразен в той степени, в какой несуразен и нелеп окружающий его мир. И на самом деле, в пьесе, действие которой происходит в условной стране где-то на Западе, простака Мокинопотт сталкивается с целым рядом нелепостей, собственно и составляющих его «злосчастья». Однако пьеса была бы всего-навсего серией забавных эпизодов, если бы Вейс не выявил социальную природу и социальную закономерность этих «нелепостей», сущность бездушно буржуазного общества, где все — «от экономики до супружества» — враждебно самой человеческой природе.

Именно познание этой истины приводит Мокинопотта к нравственному прозрению и превращает потешного «маленького человека» в **личность**. Не случайно фарсовая ситуация с перепутанными башмаками, надетыми не на ту ногу, приобретает в пьесе вполне символический смысл. Когда в финале комедии Мокинопотт, разобравшись со своими башмаками, наконец, становится на ноги, совершает первые робкие шаги, а затем двигается с «легкостью танцора или конькобежца», мы понимаем, что речь идет не о чем ином, как о **становлении** личности.

Большой сатирической силы достигает Вейс в изображении должностных лиц, стоящих на различных ступеньках буржуазной государственной лестницы: от «рядового» тюремщика до высокопоставленных «правительственных персон», с их доведенной до идиотизма демагогией и патологическим бездушием. Не лучше оказывается и сам господин бог, выступающий как своеобразное олицетворение «высшей несправедливости»: Вейс не случайно поручил эту роль тому же актеру, который исполняет в пьесе роль мошенника-адвоката и проходимца-врача, ставя вопрос о «круговой поруке», которой в буржуазном обществе связаны между собой все «духовные» и «светские» инстанции...

Особый интерес представляет в пьесе фигура Вурста — балаганного Мефистофеля, который повсюду сопровождает Мокинопотта, как бы подталкивая его на те или иные активные действия. Казалось бы, симпатии автора принадлежат этому остроумному и находчивому балагуру. Однако не Вурст, а Мокинопотт оказывается в конечном счете победителем, потому что не балагурство, не скепсис, не цинизм, а **познание истины** является единственным средством для того, чтобы исцелиться от «злосчастий» и обрести умение легко и уверенно ходить по земле.

ЛЕВ ГИНЗБУРГ

